

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

С.Г. Лузянин

**РОССИЯ – МОНГОЛИЯ – КИТАЙ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.**

Политические взаимоотношения в 1911 – 1946 гг.

Москва
ИДВ РАН
2000 г.

江苏工业学院图书馆
藏书章

ББК 9 (М) 31
Л 80

Ответственный редактор: академик РАН В. С. Мясников

Рецензенты: д. и. н. Е. Д. Степанов,
д. и. н. А. Г. Яковлев,
д. пол. н. Г. С. Яскина

Лузянин С. Г. Россия – Монголия – Китай в первой половине
XX века. Политические взаимоотношения в 1911 – 1946 гг.
М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2000. – 268 с.

Книга посвящена истории российско-монголо-китайских отношений в 1911 – 1946 гг. На основе русских архивных документов, главным образом неопубликованных, исследуются монгольский вопрос в русско(советско)-китайских отношениях, политика Коминтерна в МНР и монгольских областях Китая, проблемы международно-правового оформления Монголии, аятинский процесс и некоторые другие вопросы внешнеполитической истории Монголии.

ISBN 5-8381-0036-9

© Лузянин С. Г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая читателю работа посвящена сложной, запутанной, а порой и трагической истории взаимоотношений двух государств – России и Китая – с относительно небольшой Монголией, расположенной между своими великими соседями.

Появление данной монографии стало возможным только в 90-х годах, когда были расфасфены многие архивные фонды, ранее практически недоступные для рядового исследователя.

В книге предпринята попытка воспроизвести картину взаимоотношений Монголии с Россией (СССР), Китаем без идеологических деформаций и «кляпур», отойти от традиционной трактовки советско-монгольских или монголо-китайских отношений и дать комплексное осмысление проблемы, проследив эволюцию «треугольника» Россия – Монголия – Китай на протяжении различных исторических периодов. Тенденциозность советской методологии, малая доступность архивных документов и материалов до 1991 г., а также предвзятость западных исследователей ограничивали возможности многостороннего анализа данного вопроса. И советскими, и западными учеными явно недооценивался системный и взаимообусловленный характер отношений между Россией, Монголией и Китаем, сводимый ими либо к «нерушимому и безоблачному советско-монгольскому союзу», либо к тезису о «контрвойне России». Автор надеется, что ему хотя бы частично удалось восполнить вызванный этим обстоятельством пробел.

Кроме того, анализ истории российско- и советско-китайских отношений по монгольской проблеме позволяет по-новому расставить акценты и обозначить приоритеты в дипломатических усилиях России и Китая в первой половине XX в., а также выделить два основных уровня собственно монгольской политики – межгосударственный и этнорегиональный. Причем, если на первом уровне Монголия являлась в основном объектом политической и другой активности России и Китая, то на втором она была активным субъектом, проводившим в рамках той или иной идеологической доктрины собственную линию относительно Внутренней Монголии, Тувы, Бурятии, Тибета и других сопредельных этнорегионов. Что касается нынешнего внешнеполитического курса Монголии, то на его формирование, помимо текущих геополитических реалий, оказывает влияние мощное историческое наследие. Явление недавнего (просоветского) прошлого и события более отдаленных эпох конца XIX в. – начала XX в., такие, как движение за объединение всех монгольских этносов в одном государстве (попытка реализации идеи панмонголизма), традиционное русско- и советско-китайское соперничество из-за Монголии, в той или иной степени проецируются на состояние российско-монгольских и монголо-китайских отношений и сейчас.

Предлагаемое исследование посвящено анализу некоторых важных аспектов внешней политики Монголии с 1911 г. до начала 1946 г. События данного периода связан с отделением Монголии от цинского Китая, превращением независимости Внешней Монголии (декабрь

1911 г.) и официально признанием правительства Китайской Республики (5 января 1946 г.) независимости МНР по итогам проведенного там плебисцита. Подобный хронологически обусловленный подход дает возможность сравнить: внешнюю политику Монголии на различных этапах — теократическом (1911-1919 гг.), революционном (1921 — 1924 гг.), республиканском (1924 — 1946 гг.), внешнеполитическую деятельность России в имперский (до 1917 г.) и советский (после 1917 г.) периоды: политику Китая в отношении Монголии в маньчжурский (до 1911 г.) и республиканско-гоминьдановский (после 1911 г.) периоды.

Несмотря на, казалось бы, глубоко специализированный характер данного исследования, следует отметить, что проблемы взаимоотношений России, Монголии и Китая по своей значимости и актуальности входят за рамки названной триады, оказывая воздействие на уровень стабильности и общий климат в Северо-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе. Поэтому выявление исторической логики развития отношений внутри «треугольника», а также долговременных факторов, продолжающих влиять на состояние этих отношений и сейчас, представляется необходимым при перспективном прогнозировании обстановки как внутри названной триады, так и за ее пределами.

Успешное развитие указанной группы отношений также является фактором, прямо отвечающим интересам России, стремящейся к оптимизации собственных усилий, а также возможностей международного сотрудничества в целях стимулирования своего экономического развития. Как подчеркивал член-корреспондент Российской академии наук, директор Института Дальнего Востока РАН М.Л. Титаренко, «... без налаживания постоянных конструктивных связей со странами АТР (прежде всего с нашими дальневосточными соседями — Китаем, Японией, странами Корейского полуострова, Монголией...), только собственными силами России будет трудно поднять до современного уровня экономику и культуру на огромных пространствах Сибири и Дальнего Востока».

Стремительный экономический рост современного Китая, постепенное превращение его в один из центров мирового влияния, а также выход Монголии в начале 90-х годов из-под советской эгиды и усиление ее роли в качестве самостоятельного субъекта международных отношений тоже сказываются на степени мировой значимости взаимосвязей России, Монголии и Китая. На сегодняшний день Монголия перестала быть «заложником» советско-китайских отношений, коим она фактически являлась в период советско-китайских разногласий конца 50-х — в 80-е годы, играя роль «форпоста» в борьбе с маоизмом. Монголия сегодня ведет активные поиски своего экономического и политического места в мире, адекватного ее национальным интересам.

Автор выражает глубокую благодарность сотрудникам российских архивов: Архива внешней политики Российской империи (АВП РИ), Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), Российского Центра хранения и изучения документов новейшей истории

Титаренко М.Л. Россия лицом к Азии. — М., 1998. — С.8.

(РЦИХИДНИ), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского Государственного исторического архива (РГИА), Российского Государственного военно-исторического архива (РГВИА) за помощь, оказанную в ходе сбора документов и материалов. Автор признателен за ценные советы и замечания, высказанные в ходе обсуждения монографии сотрудниками Института востоковедения РАН Е.А. Беловым, Е.В. Бойковой, Ю.В. Ваниным, М.И. Гольманом, В.В. Грайворонским, А.С. Железняковым, Ш.Г. Надировым, С.К. Родиным, Г.И. Слесарчук, Г.С. Яскиной и другими учеными.

Автор признателен коллективу сотрудников Центра «Россия — Китай» Института Дальнего Востока РАН, в особенности Р.А. Миrowsкой, Е.Д. Степанову, А.Г. Яковлеву, за понимание и содействие. Автор глубоко благодарен Е.И. Сафроновой за ценные советы и помощь в редактировании работы.

Автор выражает свою особую признательность директору Института Дальнего Востока Российской академии наук, члену-корреспонденту РАН М.Л. Титаренко и заместителю директора Института Дальнего Востока РАН, руководителю Центра «Россия-Китай» академик РАН В.С. Масинкову за поддержку и создание благоприятных условий для завершения и публикации данной монографии.

ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

ГЛАВА I.

Работа построена на основе анализа неопубликованных архивных документов и уже опубликованных, но малоизвестных материалов. Особое внимание автором уделено архивным источникам. До недавнего времени большая часть их была недоступна исследователям ввиду секретного характера многих фондов. Другая часть, которая все-таки попадала в поле зрения ученых, не могла быть использована в полном объеме вследствие жестких идеологических и цензурных рамок и использования большей в кутурованном виде или же вовсе не допускалась к публикации. Процесс рассекречивания документов и материалов, начавшийся в российском архивном деле с начала 90-х годов, позволил автору изучить, обработать и систематизировать документы и материалы десяти российских центральных и региональных архивов, а также хранилищ рукописей. Причем, большая часть использованных документов вводилась в научный оборот впервые: она практически неизвестна и составляет основную оригинальную базу, на которой и строится данная работа.

В Архиве внешней политики Российской империи (АВП РИ) были отобраны и изучены документы следующих фондов: «Миссия в Пекине 1889-1924», «Генеральное консульство в Харбине 1904-1920», «Омск 1917-1922 гг.», «Консульство в Урге 1864-1923», «Китайский МИД 1917-1922 гг.», «Консульство в Хайларе». Всего обработано 1017 дел из столярных папок. В основном это донесения, телеграммы, донесения, письма, ноты и заявления российских представителей в Монголии и Китае, содержащие обширную, многоплановую информацию о развитии русско-монгольских, монголо-китайских и русско-китайских отношений за 1911-1917 гг. и их подробный анализ. В делах содержатся материалы особых совещаний российского правительства по монгольским проблемам, документы, освещающие все вопросы монгольских князей в России в течение 1911-1916 гг., а также вопросы русско-монгольских переговоров. Автором были извлечены документы о японской атаки среди бурят за подъем восстания во Внешней Монголии в 1916-1919 гг., о деятельности атамана Семенова в Монголии (ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 731, 758, ф. Омск, МИД, оп. 894, д. 20, 50, 54), о связях большевиков с Китаем в 1918-1919 гг., осуществляемых через Иркутск и Уруу (ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1557), переписка российских консулов в Урге в 1919-1920 гг. (ф. Консульство в Урге, оп. 732, д. 25-26, 28) и по многим другим вопросам, связанным с внешнеполитической деятельностью Монголии в этот период. Документ АВП РИ позволял не только восстановить картину официальных дипломатических отношений России, Монголии и Китая в 1911-1917 гг., но и проследить внутреннюю эволюцию царской дипломатии, вскрыть механизм и мотивы решения российским правительством того или иного вопроса, связанного с Монголией. Одновременно ряд документов помогают проследить позицию Сунь Ятсена по монгольскому вопросу в 1911-1912 гг. (ф. Миссия в Пекине,

д. 1164, л. 38, 71-79, 86, 103-104). Существенную роль при раскрытии темы по дореволюционному периоду сыграли документы фондов Российского государственного исторического архива в Санкт-Петербурге (РГИА): «Министерство торговли и промышленности 23», «Общая канцелярия министра финансов 560» и «Совет министров 1276». Донесения агентов министерств финансов, торговли и промышленности из Монголии, переписка российских министров, отчеты и ходатайства торговых фирм в Монголии, а также Монгобанка в Урге позволяют проследить не только логику российской экономической политики в Монголии, но и эволюцию ее политических интересов, выяснить сферы взаимодействия дипломатов и коммерсантов, выделить основные приоритеты русской политики того времени и того направления.

Особое место среди источников по дореволюционному периоду занимают материалы Архива востоковедов Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН (АВФ ИВ РАН). В работе были использованы документы из пяти фондов: «42. Пекинская миссия», «44. Империализм», «62. Ц.Хамцаранов», «66. Б.М.Гурьев» и «97. Г.Ф.Смькалов». Материалы данных фондов представлены оригинальными рукописями, заметками и перепиской людей, развивавших классические русские монголоведческие (А.М.Позднеев), а также известных коммерсантов, публицистов и общественных деятелей России (Б.Гурьев, А.В.Бурдуков, Г.Ф.Смькалов) и Бурят-Монголии (Ц.Хамцаранов). Документ АВФ ИВ РАН помогает четко выгнать на проблему русско-монгольских и монголо-китайских отношений, стоящую от официальных дипломатических схем, рассмотреть на названную проблему в контексте панмонгольской идеологии (Ц.Хамцаранов) и исторически сложившихся задач монголо-бурятского движения. Материалы фонда содержат подборки из российской периодической печати по Монголии и Китаю (ф. 97, Г.Ф.Смькалов), переводы из китайской прессы, в частности, «Бэйцзин жибао», 1911-1913 гг., «Шунтянь жибао», 1915 г., «Гун бао», 1911, «Чжунго бао», 1912 г., «Минцзянь бао», 1912 г., «Вакт», 1911-1912 г., «Минли бао», 1912 г. и др., позволяя восстановить общую политическую картину, сложившуюся вокруг Монголии в 1911-1917 гг.

В Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) были изучены разнообразные донесения, донесения, путевые заметки, телеграммы русских военных агентов в Монголии и Маньчжурии. Обработаны материалы фондов «2000. Генеральный штаб» и «400. Донесения русских военных агентов за границей». Документы РГВИА позволяют получить представление о русской военной политике в Монголии до 1917 г., о создании там военной школы, организации монгольской армии, деятельности русских военных инструкторов.

При изучении отдельных вопросов внешней политики правительства Богда-Гэгэна до 1917 г. использованы документы Государственного архива Иркутской области (ГАИО), фонд «23. Дипломатическая канцелярия Иркутского генерал-губернатора». Документы дают представление о монголо-бурятских отношениях (иммиграция, статистика бурятских

поселений в Монголии, приграничные связи), о деятельности сибирских предпринимателей, проектах постройки железной дороги ст. Мысовая - Кяхта - Урга и о других региональных проблемах. Последние подробно обсуждались на специальных заседаниях комиссии в 1911-1914 гг. Созданной при иркутском генерал-губернаторе Л.М.Князеве, что также нашло широкое отражение в фондах ГАИО и использовано в работе.

По дореволюционному периоду вспомогательными, но довольно ценными являются материалы отдела рукописей Государственной публичной библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина, имеющей в своем фонде «560» работу русского ориенталиста А.М.Лозанова «Япония и Монголия», которая также нашла отражение в работе.

Важное место среди хранилищ неопубликованных документов по внешней политике автономной Монголии 1917-1919 гг. и по периоду гражданской войны занимает Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). В фондах «1701», «176», «200. Дипломатическая канцелярия Омского правительства. 1918-1920 гг.» собраны материалы о политической деятельности правительства Колчака в Монголии, о шагах автономного правительства Богдо-гэгэна в отношении Тувы, Бурятии и Внутренней Монголии и о системе международных отношений, сложившейся в названном регионе в 1917-1919 гг.

Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ) до 90-х годов являлся в основном закрытым и малодоступным для исследователей. В настоящее время это - фундаментальный архив по проблемам советско-монгольских отношений в 20-30-е годы, политике Коминтерна в Монголии, внешней политике монгольского Народного правительства в 1921-1930 гг. Автором проанализированы и обработаны блоки документов и материалы фондов: «495. Восточный секретариат Коминтерна» (оп.154, 152), «Секретариат В.Пика» (оп.11), «Секретариат Д.З. Мануйловского» (оп.10, 10-А), «Секретариат Куусинена» (оп.16), «372. Дальбюро ЦК РКП(б)»; «532. Коммунистический университет трудящихся Востока. КУТВ»; «493. Сиббюро ЦК РКП(б)»; «5. Секретариат В.И.Ленина»; «17. Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)». Дела указанных фондов содержат протоколы заседаний секций Восточного отдела Коминтерна, секции восточных народов Сиббюро ЦК РКП(б), Монголо-тибетского отдела Дальневосточного секретариата Коминтерна, отчеты и материалы совещаний коминтерновских структур по монгольскому вопросу с 1919 г. до середины 30-х годов, переписку между коминтерновскими руководителями и представителями ИККИ в Монголии И.Максеном, С.Борисовым, Б.Шумяцким, Т.Рыскуловым, И.Амагэевым и др., бюллетени Дальневосточного секретариата, телеграммы, циркуляры, письма и другие документы Сиббюро и НКВД по Монголии, тувинские документы о взаимоотношениях МНРП и Тувинской народной революционной партии (ТНРП), разведсводки, подборки и переводы из иностранной прессы касательно внешней и внутренней политики Монголии, стенограммы съездов народов Дальнего Востока, конгрессов Коминтерна и многое другое, что позволяет восстановить картину событий не только в контексте политики

Коминтерна в Монголии, но и всего комплекса международных вопросов монголо-китайских и монголо-тувинских отношений, положенных во Внутренней Монголии.

Особую ценность представляют дела 152-й описи 495-го фонда (Восточный секретариат Коминтерна). В них сосредоточены документы и материалы по истории советско-монгольских отношений во всем их многообразии (по военным, экономическим, культурным связям), отчеты коминтерновских делегаций, материалы совещаний в ИККИ по внутренней политической истории Монголии - материалы и стенограммы II-VIII съездов МНРП, материалы, касающиеся революционной деятельности ЦК МНРП в Баре и Внутренней Монголии в 1921-1928 гг., и т.д. Существенным фактором, благоприятствующим более полному раскрытию внутреннего механизма советской внешней политики в Монголии, а также ее места в советско-китайских отношениях, является анализ документов фонда 5 (Секретариат В.И.Ленина) - протоколы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) по Монголии, политические письма А.А.Иоффе из Китая и др.

Работа в фондах РЦХИДНИ позволила выявить ряд новых или малоизвестных рукописей, принадлежащих перу людей, непосредственно связанных с Монголией и игравших там значительную роль [Э.Д.Ринчино. Монголия, СССР и Китай (ф.495, оп.152, д.44); С.Нацов. Национальная революция монголов (ф.495, оп.152, д.83)] и других деятелей, отвечавших за восточную политику Коминтерна.

Ценность документов РЦХИДНИ чрезвычайно высока. Эти документы позволяют заглянуть внутрь коминтерновского механизма, отследить эволюцию монгольской политики Коминтерна от момента разработки концепции или тезиса до принятия соответствующего решения и его реализации. Причем, как свидетельствуют документы, реализация решения не была гладкой и безболезненной, а проходила в условиях острой политической борьбы в советском руководстве при столкновении мнений и интересов различных политических групп как внутри исполкома, так и в рамках предствительств ИККИ и НКВД в Монголии.

В Архиве внешней политики Российской Федерации МИД (АВП РФ) автором были обработаны документы и материалы фондов: «Референтура по Китаю» (100, 0100, 100-А, 111, 0111, II, OII), «Референтура по Монголии»; «Посольство в Пекине»; «Консульство в Хайларе»; «Консульство в Харбине»; «Референтура по Тувее»; «Секретариат Г.В.Чичерина»; «Секретариат Л.М.Караханова»; «Секретариат М.М.Литвинова» и «Секретариат В.М.Молотова» - всего около 1700 дел.

Отобранные документы и материалы, хранившиеся в фондах, только недавно рассекреченных, и поэтому практически не известные исследователям, дают возможность не только осветить и проанализировать дипломатическую деятельность советского правительства в Монголии, но и проследить эволюцию внешней политики самой Монголии в 1921-1946 гг. Последнее стало возможным ввиду специфики взаимоотношений НКВД СССР и МИД МНР, обусловленной тем обстоятельством, что НКВД СССР, в связи с особым международно-правовым

положением Монголии до 1945 г. (ее международной изоляцией и не-признанием другими державами), выполняя функции посредника и фак-тического представителя МНР на международной арене. Все основные решения, протоколы и другие документы монгольского правительства по международным вопросам 1921-1945 гг. направлялись в НКВД и со-хранялись до наших дней в архиве. Предполагается, что данное обстоя-тельство изымает отсутствие всеобъемлющего анализа документов из монгольских архивов.

Автором в процессе работы в АВП РФ были отобраны и система-тизированы следующие группы наиболее важных первоисточников: а) неопубликованные ноты, депеш, телеграммы, заявления, выступления, письма, меморандумы, соглашения, депарации за 1921-1946 гг. совет-ских и монгольских дипломатических представителей, а также руково-дителей двух стран; б) дневники полпредов, рукописи работ монголь-ских руководителей (перевод рукописи работы А.Амора «Краткая исто-рия Монголии» - АВП РФ, ф.Референтура по Монголии, оп.18, пор.4, под.15, инв.021, д.М021), дневники и рукописи русских эмигрантов, ра-ботавших в Монголии; в) стенограммы бесед, переговоров советских и монгольских представителей (документы о визитах П.Гэндана, А.Амора и Х.Чойбалсанга в СССР), материалы международных конференций и заседаний с участием Монголии. Автором, в частности, были изучены тысячи страниц протоколов всех 35 заседаний Монголо-маньчжурской конференции 1935, 1937 гг. и связанной с ней обширной дипломатиче-ской переписки между СССР, МНР и Маньчжоу-Го (Японией) в 1932-1933 гг., а также документы советских дипломатических миссий в Китае - миссий И.Л.Юрина [(1920-1921 от Дальневосточного республике (ДВР)], А.К.Пайкеса (1922), А.А.Исфре (1922-1923), Л.М.Карахан (1923-1925) и других деятелей, работавших в Китае в 30-40-е годы, позволившие про-следить развитие монгольской проблемы в советско-китайских отноше-ниях; г) подборки советской, монгольской, маньчжурской, японской, ки-тайской и западной прессы по монгольской тематике за 20-40-е годы. В депеш фондов «Референтура по Китаю», «Референтура по Монголии» и др. содержатся ценнейшие оригиналы и переводы из газет «Монголын сонин сэтхүл» (г. Калган, 1937, 1945 гг.), «Хушэ Түв» (Синьцзян, 1945 г.), «Маньчжурлан Дейли Ньюс» (1945 г.), «Нью-Йорк Таймс» (1935, 1937, 1945 гг.), «Форин Аффэрс» (1933, 1945 гг.), «Фортсайтл Ревью» (1934-1935 гг.), «Котидиен» (1933, 1937, 1945 гг.), «Дэйли Телеграф» (1932, 1936 гг.), «Манчестер Гардиан» (1935 г.), «Ньюс Кроникл» (1937 г.), «Экономист» (1933 г.), «Джапан Таймс» (1932-1936 гг.), «Чайна Уикли Ревью» (1934 г.), «Форин Полиси Репортер» (1935 г.), «Шунь Бао» (1932 г.), «Хуэй Бао» (1933 г.), «Нидро Цусин» (1929-1933 гг.), «Харбин Ници-ници» (1930 г.), «Мансю Ниппо», «Гун Бао» (Харбин, 1933-1939 гг.). Осо-бая ценность деп. содержащих тематические подборки по международ-ному положению Монголии, заключается в том, что многие из указанных изданий сохранились только в архивах.

Российский государственный военный архив (РГВА) имел для ав-тора особое значение в плане сбора материалов по истории военно-

политических отношений СССР и МНР. Автором обработаны документы фондов «912. Управление экспедиционным корпусом 5-й армии. 1921 г.», связанные с советско-монгольской операцией по разгрому Унгерна и освобождению Монголии, «32113. Управление 17-й армией...» за 1935-1939 гг., касающиеся монголо-маньчжурских пограничных конфликтов, советско-монгольской деятельности по укреплению обороны МНР, «32210», «32262», «37837», связанные непосредственно с событиями на Халхин-Голе 1939 г. и после них (1940 г.). Документы первоисточных фондов РГВА представлены разведводками советского и монгольского командования, военно-экономическими и политическими справками о Маньчжоу-Го и Кантунской армии, докладами и обзорами хода боевых действий и т.д. Все это является существенным дополнением к общей историко-ведческой базе, использованной при исследовании проблем международного положения Монголии в 1920-1940 гг..

Важным компонентом настоящей работы стали опублико-ванные, но пока малоизвестные широкому читателю доку-менты. Здесь необходимо выделить публикации: а) вышедшие в России до 1917 г. и в 20 - 30-е годы по истории взаимоотношений Монголии и России в 1911-1917 гг. б) документы, опубликован-ные в Советском Союзе, связанные с монгольской тематикой 20-40-х годов; в) документы и материалы о деятельности Комин-терна в Монголии. Последнее две группы документов, несмотря на существовавшую тогда цензуру, влиявшую на характер публи-кации, содержат широкую фактологическую и событийную базу и позволяют взглянуть на монгольский вопрос в контексте общей дальневосточной политики Советского Союза и его стратегиче-ских задач.

Составной частью работы стали опубликованные в Монголии в 50-70-е годы подборки документов по внешней политике МНР. материалы конференций, совещаний, съездов МНРП, документы о взаимоотноше-ниях ЦК МНРП и Коминтерна и другие источники, извлеченные из мон-гольских архивов.

Проблемы истории Монголии в международных отношениях 1941-1946 гг. нашли отражение и в западных документальных публикациях.

В последние годы на волне общих демократических преобразова-ний в России и Монголии и ввиду открытия ранее засекреченных архи-вов появилось большое число публикаций документов, посвященных «белым пятнам» и «болевым точкам» истории русско-монгольских и советско-монгольских отношений, а также внутривосточным процессам Монголии в 30-40-е годы, деятельности Коминтерна в Монголии. Процесс опубликования таких документов, находящийся пока в началь-ной стадии, несомненно поможет устранить деформации и искажения в трактовке внешнеполитической истории Монголии первой половины XX в., сложившиеся в советский период. Большим событием явилось изда-ние на монгольском языке совместного российско-монгольского сборни-ка документов по фондам архива РСХИДНИ «Коминтерн и Монголия» и проведение 25 июня 1996 г. международной научной конференции, ор-

ганизованной Государственной архивной службой РФ. Главным научным управлением Монголии, приуроченной к презентации собрания Института Дальнего Востока РАН совместно с немецкими коллегами осуществлено издание многотомного фундаментального сборника документов по фондам архива РГХИДНИ «ВКГ(6), Коминтерн и Китай. Документ», в котором, однако, монгольский сюжет занял второстепенную роль.⁶

В Барнауле вышли документы и дневники сибирского купца А.Д.Васенева (в двух частях), дополняющие общую картину русско-монгольских отношений до 1917 г.⁷ Кроме того, автором предлагаемой читателю монографии в середине 90-х годов опубликован ряд неизвестных документов, касающихся деятельности Коминтерна в Монголии и советско-китайских отношений по монгольскому вопросу в 20-е годы.⁸

Массив использованных опубликованных источников не ограничивается сборниками документов, в него входят разнообразное дореволюционное и ранние советские издания, представленные путевыми очерками русских географов, отчетами, различных экспедиций, коминтерновскими материалами, эмigrantскими изданиями.⁹ К этой же категории можно отнести группу источников, опубликованных в СССР в 60-90-е годы.¹²

Важное место среди источников занимают различные исследования и мемуары русских и иностранных деятелей, которые в свое время были связаны с Монголией. Несмотря на определенную тенденциозность, в этих работах содержится интересные материалы и многочисленные факты из политической жизни Монголии и русско-монгольских отношений. Авторы, являясь современниками событий, зачастую имели возможность лично наблюдать происходившие процессы. Так, в 1913 г. американский дипломат В.В.Рокхилл побывал в Монголии и после возвращения в США опубликовал статью «Проблема Внешней Монголии», в которой привел ценные сведения о положении и перспективах развития русского капитала в Монголии и о внутриполитической обстановке в Урге.¹³ К этой же категории оригинальных источников относятся книги иностранных путешественников и бывших китайских агентов, долгое время находившихся в Монголии.¹⁴ Следует отметить, что в этих повествованиях прослеживается определенная тенденция приуменьшать или опровергать действия Китая, доказывать «прогрессивность» китайских административно-политических реформ в Монголии.

Чрезвычайно интересны источником стали воспоминания русско-го дипломата И.С.Коростовца.¹⁵ Автор являлся официальным представителем России в Китае, а в 1912 г. был отправлен со специальной миссией в Урл, где после успешно проведенных переговоров с монгольскими князьями заключил русско-монгольское соглашение 1912 г.

Составной частью источниковедческой базы, использованной в работе, явились материалы русской (1911-1917), советской (1919-1945), монгольской (1911-1945), китайской и западной прессы и публицистики, дополнявшие архивные материалы, содержащие тематические подборки газет и журналов.¹⁶

Историография проблемы берет свое начало в русской ориенталистике, важнейшей частью которой было и является монголоведение, выделившееся в самостоятельное исследовательское направление во второй половине XIX в. Известные русские монголоведы и географы, такие, как Б.Я.Владимирцов, Г.Е.Грум-Гржимайло, П.К.Козлов, А.М.Позднеев, Г.Н.Потанин, Н.М.Пржевальский, в конце XIX в. - начале XX в. стали авторами ряда фундаментальных исследований по истории древней и средневековой истории, этнографии, филологии и географии Монголии, открыв тем самым классический фундамент научного монголоведения.¹⁷

Определенное место в дореволюционной историографии принадлежит профессору В.Л.Котвицу, который одним из первых русских монголоведов попытался осмыслить социально-экономические и международно-политические процессы современной ему богдо-гэгэновской Монголии.¹⁸ А также бурятскому ученому и путешественнику, профессору Г.Ц.Цыбикову (1873-1930), сумевшему не только проникнуть в таинственную страну Тибет, но и поставить проблему специфического восприятия окружающего мира монголами и тибетцами через ламизм.¹⁹

Дореволюционная монголоведческая литература включала группу работ идеологического характера, в которых авторы проводили идею «защиты России от желтой опасности», «присоединения Монголии к России на вечные времена». Типичными представителями этого течения являлись граф А.Б.Бенингсен, генерал К.И.Дружинин, юрист Б.Э.Нольдт и другие лица, выражавшие правонационалистические воззрения некоторых российских политических кругов.²⁰

Ранняя советская историография (20-40-х годов) восходит из ряда новых методологических посылок, не применявшихся в русском монголоведении. Во-первых, при анализе российской и советской политики в Монголии был взят на вооружение тезис В.И.Ленина о существовании «двух России» для народов Востока: Советской России - «прогрессивной и передовой» и царской России - «рабифельской и реакционной».²³ Во-вторых, во главу угла была поставлена проблема классовой борьбы в Монголии, через призму которой рассматривались и все остальные вопросы. Подобная методология сужала рамки исследования, не давая возможности для комплексного анализа как самобытной и самостоятельной монгольской цивилизации, так и аспектов советской политики в отношении Монголии, включая и ее негативные проявления. Вместе с тем ввод в научный оборот новых документов из архивов царского и Временного правительства позволил проанализировать практически не известные до этого аспекты русско-монгольских дипломатических отношений.

Традиционная советская историография 50-80-х годов, соблюдая жесткие идеологические ограничения, тем не менее, получила новое развитие: вышли фундаментальные монографии А.М.Дубинского, Г.В.Едимова, М.С.Капицы, В.С.Мясникова, А.Л.Нарочницкого, М.А.Персица, С.Л.Тихвинского, А.Н.Хейфеца и многих других, посвященные истории колониальной политики мировых держав на Дальнем

Востоке, проблемам международных отношений - русско-китайских и советско-китайских, а также другим крупным вопросам.

На этом общетеоретическом фундаменте появились и специализированные монголоведческие исследования Е.В.Бойковой, М.И.Гольмана, В.В.Грайворонского, Е.М.Даревской, С.Д.Дальковой, И.Я.Златкина, Г.С.Матвеевой (Яскиной), С.К.Рошина, Г.И.Слесарчук, Д.Б.Улымжирева, Ш.Б.Чимитдоржиева и многих других российских монголоведов²⁴. Было опубликовано большое количество коллективных работ, а также защищены докторские и кандидатские диссертации²⁵.

Вместе с тем, не умаляя вклада авторов в разработку данной проблемы, следует заметить, что в работах 60-80-х годов преобладала не столько формализованная оценка ключевых событий того периода, сколько вытекавшая из общей идеологической парадигмы того времени. В частности, не был прояснен вопрос о том, как реально происходила эволюция советской и монгольской политики в 20-30 годы, какие причины - революционно-идеологического, геополитического или же дипломатического свойства - определяли решения советского руководства по таким вопросам, как ввод частей 5-й армии в июле 1921 г. в Уруу, подписание соглашения 5 ноября 1921 г., соглашения 1929 г., протокола 1936 г., а также как разворачивалась борьба в высшем советском руководстве по тем или иным аспектам монгольской политики. Не до конца изученной осталась и история появления ст. 5-й советско-китайского соглашения 31 мая 1924 г.: оценка традиционной советской историографии сводилась к тому, что согласие Москвы «отдать» Внешнюю Монголию Китаю явилось по существу формальным актом и диктовалось необходимостью компромисса с Китаем ради сохранения мира и спокойствия на Дальнем Востоке. Соглашавшись с тем, что этот шаг был действительно большим компромиссом со стороны СССР, необходимо было уточнить и другие его мотивы: что подталкивало советское руководство на названный шаг - необходимость ли сохранения мира на Дальнем Востоке, желание разорвать «революционный пожар» в Китае или же иные мотивы? Чем в этой связи была Монголия для Москвы - «разменной монетой» в советско-китайских связях или же реальным субъектом отношений, имевшим собственный подход к тем или иным проблемам? Отрицались в советской историографии и факт противоречивости и двойственности международно-правового положения МНР до 1946 г., а также проблема «двух Монголий» (МНР и Внутренней Монголии в составе Китая) и возможность их объединения.

Не получила пристального рассмотрения и история деятельности Коминтерна в Монголии, в частности, история репрессий против ведущих партийно-государственных деятелей Монголии - Д.Бодо, С.Данзана, Б.Цэнддоржа, А.Амора, Ц.Дамбадоржа, Н.Жадамба, Л.Лодовина и многих других. Практически не затрагивалась проблема роли МНР в китайских революционных событиях 1925 - 1927 гг. и не освещались попытки Коминтерна использовать МНР и МНРП в качестве своеобразных катализаторов революционного движения в пограничных районах Внутренней Монголии, Барги и других национальных регионах

Китая. Советская историография обходила молчанием и некоторые острые вопросы внутриполитической истории МНР, такие, как ликвидация коминтерновского и советским руководством так называемого «правого» (1928) и «левого» (1934) уклонов в рядах МНРП, организация «Худонской» оппозиции в 1927 - 1928 гг., формирование и укреплении культуры личности Х.Чойбалсан в 30 - 40-е годы. Одновременно, в советской историографии, несмотря на освещение отдельных фрагментов истории монголо-китайских и русско(советско)-китайских отношений по монгольскому вопросу, система взаимоотношений России(СССР) - Монголии(МНР) - Китай в 1911 - 1946 гг. оставалась неизученной.

Начало 90-х годов ознаменовалось выходом ряда принципиально новых работ по истории внешней политики СССР в 20-40-е годы, позволивших по-иному взглянуть на известные проблемы, отойти от жестких идеологических штампов²⁶.

Появляются статьи и сборники по монгольской тематике, российских ученых, затрагивающие как общетеоретические вопросы²⁷ так и конкретные аспекты монгольской истории²⁸. В 1993 г. исследователем Е.А.Беловым была защищена докторская диссертация «Русско-китайские отношения в 1911-1915 гг.», У главы которой посвящена монгольскому вопросу. Диссертация явилась результатом большой аналитической работы автора с неопубликованными архивными документами и материалами. На базе этих материалов Е.А.Белов в 90-е годы опубликовал серию статей по широкому кругу вопросов истории российско-монголо-китайских отношений в 1911 - 1915 гг.²⁹ В 1999 г. в издательстве Института востоковедения РАН вышла его итоговая монография «Россия и Монголия (1911 - 1919 гг.)»³⁰. Автор, опираясь на данные нового, ранее не известного массива архивных документов, рассмотрел три крупных блока проблем, которые и составляют остов монографии: 1) оценка событий 1911 г. в Монголии, их причины и результаты; 2) Россия и независимость Внутренней Монголии, правовой статус последней; 3) Россия и панмонголизм.

Отделение Внешней Монголии от чинского Китая и провозглашение 1 декабря 1911 г. монгольской независимости - одно из ключевых событий в новой и новейшей истории Монголии. По своему значению оно не уступает народной (1921 г.) и демократической (1990 г.) революциям в этой стране. Положительным фактором является то, что автор в своей монографии данное событие исследует в широком историческом контексте, т.е. анализирует не только конкретные события 1911 г. и мотивацию монгольских князей, но и выявляет глубинные предпосылки разрывания монгольских оков оседлительного движения, в числе которых он называет и апрессионную политику Цинов в XIX в. - начале XX в. в отношении Халха-Монголии. Е.А.Белов фактически раскрывает читателю технологию китайской колонизации, показывает ее особенности и эволюцию, начиная с 1867 г. - со знаменитого указа официального Пекина о праве перехода китайских поселенцев за Великую стену - до декабря 1911 г. - времени провозглашения независимости Внутренней Монголии. Здесь же Е.А.Белов справедливо отмечает экономическую и политическую заинтересован-

ность России в отношениях с Внешней Монголией. Неслучайно накануне 1911 г. монгольские лидеры рассматривали официальный Петербург в качестве своего единственного союзника в предстоящей борьбе с Китаем. Автор, анализируя декабрьские события 1911 г. в Урге, справедливо называет их «бескровным переворотом» и выделяет три фактора, благоприятствовавших успеху монголов: 1) «активный национализм» халхаской верхушки; 2) поддержка со стороны России; 3) отказ китайских (хань-сжих) солдат в Урге защищать маньчжуров. Е.А. Белов развенчивает ряд мифов, существовавших в советской историографии. Долгое время советские историки настаивали на том, что отделение Внешней Монголии стало якобы результатом «острой классовой борьбы... широких арагских масс». Как свидетельствуют факты, отделение от Китая явилось следствием узкоэлитного заговора высших лам и князей, организовавших, как отмечалось выше, бескровный переворот в Урге. Именно монгольская элита инициировала и возглавила антиманьчжурское движение.

Второй момент, также искажавшийся в литературе, - это идеология монгольского движения 1911 г. Во многих советских изданиях просматривался тезис о наличии якобы демократических и антифеодальных идей в национально-освободительном движении 1911-1912 гг. Советские историки пытались связать революцию 1905-1907 гг. в России и события 1911-1912 гг. в Монголии, доказывая припробное идеологическое влияние первой. Конечно, эпизодическое воздействие на Монголию идей русских революционеров (от народников до большевиков) в период 1905-1911 гг., да и в последующие годы имело место. Однако рассматривать революцию 1905-1907 гг. в России и движение 1911 г. как соответственно причины и следствие, было бы методологически неверно. На самом деле создание в декабре 1911 г. монгольского государства Богдо-гэгэна VIII знаменовало собой начало реставрации ламайской идеологии, восстановление традиционных ценностей монгольской кочевой цивилизации, деформированных в период господства Китая. То есть события 1911 г. в Монголии, являясь по сути проявлением монгольского национализма, носили традиционноконсервативный характер.

Ключевой блок вопросов, рассмотренный в работе, относится к политике России в Монголии после 1911 г. В российской и монгольской историографии до настоящего времени идут споры о том, была ли Внешняя Монголия независимой или нет? Какова роль России в развитии монгольских событий в этот период? Каков был правовой и политический статус Монголии до и после Кахтинского провозглашения соглашения 1915 г.? Эти и многие другие вопросы по-прежнему трактуются в литературе. Е.А. Белов внес весомый вклад в эту дискуссию. Концепция автора сводится к следующим положениям: 1) «В строге, точном смысле слова, - пишет автор, - Внешняя Монголия в 1911-1915 гг. не была независимой... она находилась в эти годы в переходном политическом состоянии. Пекин пытался вернуть ее в состав Китая. Россия же противодействовала этому всеми способами, но Россия защищала не независимость Внешней Монголии, а ее автономию с большими пра-

вами в границах Китая»³¹ К этому следует добавить, что монгольское руководство, попытаясь на подписание русско-монгольского соглашения 1912 г. и Кахтинского соглашения 1915 г., фактически не признавало их, продолжая рассматривать Монголию в качестве независимого государства. Китай также был готов пересмотреть положения Кахты в случае изменения ситуации - ослабления России или при иных обстоятельствах. Тем не менее, Кахтинская система отражала не только сложившийся баланс сил между Россией и Китаем в 1915 г., но и уровень реальной самостоятельности Монголии в тех исторических условиях, дав возможность Внешней Монголии реализовать себя в качестве субъекта отношений, хотя и в ограниченных пределах. Важным для монгольской стороны было то обстоятельство, что в рамках этой системы она получила со стороны России определенные политические гарантии сохранения своей государственности.

Панмонгольское движение показано автором в работе в традиционном плане - как движение по объединению в 1919 г. монгольских племен, организованное атаманом Семеновым при поддержке Японии. Вместе с тем необходимо заметить, что существует и другая интерпретация, понятия «панмонголизм», связанная с более широким историческим толкованием данного процесса. Абстрагируясь от самого термина «панмонголизм», рожденного смутными временами гражданской войны и всегда носившего в нашей литературе оттенок реакционности, необходимо отметить, что практически все шаги монгольского и тувинского руководства с 1911 до 1919 гг. были направлены на объединение Халхи, Внутренней Монголии, Тувы (до установления российского протектората над Тувой в 1914 г.), Кобдо, Барги и других районов. Е.А. Белов на страницах своей книги подробно рассказывает о борьбе Урли за присоединение Внутренней Монголии, Урянхайского края (Тувы) и других определенных регионов. В широком смысле слова, панмонголизм являлся одним из проявлений возрождающегося монгольского национализма, основой внешней политики теократического государства Богдо-гэгэна. Для монголов он носил, несомненно, прогрессивный характер в тот исторический период.

Важным в работе является и то, что автор как бы заново «открыл» для читателя отдельных монгольских лидеров. Так, в советской историографии фигура Даламы Цэрэн-Цимиды всегда трактовалась как реакционная. Даламе приписывались «контрафидлы» и неумение оказывать «нужное» воздействие на политические события. Е.А. Белов на основании документального и фактического материала доказал, что Далама являлся одним из ведущих лидеров Монголии, человеком бескомпромиссным, готовым отдать все, даже жизнь, ради свободы и независимости своей страны.

В специальных кижевведческих исследованиях, вышедших в России за последние годы, проблемы русско-монго-китайских отношений затрагивались не раз.

В книгах члена-корреспондента РАН М.П. Титаренко проанализированы проблемы взаимодействия стран Азии и России, вопросы воздей-

ствия и значения цивилизационного фактора на процессы развития отношений между странами Дальнего Востока, АТР и Россией, исследование роли России в Восточной Азии как относительно больших, так и малых стран. Из работ общ исторического плана привлечены исследования академика РАН В.С. Масникова также по проблемам междоуличных отношений России и Китая на протяжении столетий, начиная с XVII в. В одной из последних монографий, посвященной дипломатической истории оформления русско-китайской границы в XVIII-XIX вв., В.С. Масников дает аналитический обзор российской политики и относительно Монголии, справедливо отмечая, что Россия в 1911 г. выступила в качестве покровителя, а в 1915 г. (после подписания в 1915 г. Кяхтинского тройственного соглашения) и в качестве гаранта автономии Внешней Монголии в составе Китая.

При анализе особенностей и общих закономерностей китайской политики в отношении Монголии и России автором предлагаемой монографии рассматривается система традиционных китайских внешнеполитических стратегий, изучение которой впервые в мировой синтологии предпринял еще в 60-70-е годы В.С. Масников, а в 80-90-е годы продолжил швейцарский исследователь Х.-Ф. Зенгер, классифицировавший 36 стратегий. По определению В.С. Масникова, китайская стратегия — это «нацеленные на решение крупной внешнеполитической задачи планы, рассчитанные на длительный период и отвечающие национальным и государственным интересам». Применение стратегического подхода дает возможность понять внутреннюю логику китайского руководства при подписании Кяхтинского тройственного соглашения 1915 г., советско-китайского соглашения от 31 мая 1924 г., советско-китайского договора от 14 августа 1945 г. и признания Китая 5 января 1946 г. независимости МНР. Подробный метод, на наш взгляд, позволяет выделить два уровня китайской политики в отношении Внешней Монголии (МНР): ситуативный (тактический, явный) и скрытый, долговременный.

В середине 90-х годов в Институте Дальнего Востока РАН А.А. Москалевым была успешно защищена докторская диссертация на тему «Национальный вопрос в Китае: теоретические аспекты национальной политики (1912–1992)», в которой автор охарактеризовал политику Гоминьдана и КПК в отношении Внешней Монголии с 1921 г., отмечая, что китайские коммунисты в 1922, 1931, 1935 гг. признавали за монголами право на самоопределение, вплоть до полного отделения. Последние обстоятельства подтверждаются исследованиями российского китайиста Ю.М. Гарушанца, отмеченного в одной из своих статей, что в 20-е годы китайские коммунисты «развернули широкую агитационную кампанию за государственное отделение Монголии».

В 1997 г. Ю.М. Гарушанц опубликовал в журнале «Проблемы Дальнего Востока» статью, в которой впервые в российской историографии привел чрезвычайно интересные документы из архивов Гоминьдана, издаваемые на Тайване. В частности, стенограмму переговоров И. Сталина с Сун Цзявэнем и Цзян Цайинго в июле 1945 г. по монгольскому вопросу. Документы, использованные Ю.М. Гарушанцем, еще раз свиде-

тельствуют об остроте монгольского вопроса на советско-китайских переговорах 1945 г. в Москве и подтверждают личную заступку И. Сталина, фактически отстоявшего монгольскую независимость и государственность. В работах таких российских китайцев, как Г.А. Боголюбов, А.Д. Воскресенский, Ю.М. Гленович, С.Н. Гончаренко, А.М. Григорьев, Г.С. Каретина, А.И. Каргунова, Р.А. Мировицкая и др., вопросы российско-монголо-китайских отношений также затрагиваются, несмотря на то, что перечисленные авторы специализируются на изучении нескольких иных вопросов: деятельности Коминтерна в Китае, общей истории русско-советской-китайской политики, проблем китайской государственности и советской политики в Китае в годы Второй мировой войны и других вопросов. Следует также отметить и статьи Г.А. Боголюбова и А.С. Красилюкова, посвященные анализу современной ситуации в «треугольнике» Россия – Монголия – Китай. Также следует выделить работу известного китайиста А.Д. Воскресенского, который в недавно изданной фундаментальной монографии по истории и теории российско-китайских отношений справедливо отмечает, что монгольский вопрос в 1911-1946 гг. следует рассматривать через «призму многофакторного развития». В частности, он пишет: «В начале XX в. два государства, Россия и Китай, рассматривали Монголию как своего рода буферную зону и практиковали аналогичные подходы к монгольской проблеме, ибо каждая из сторон стремилась извлечь для себя выгоды из сложившейся ситуации. Как только одна из сторон сталкивалась с усилением влияния внутреннего (точнее, внутривнутреннего) фактора в связи с изменением политической системы, другая сторона, будь то Россия или Китай, стремилась использовать ослабление центрального правительства соседнего государства для того, чтобы поставить у власти в Монголии нужных ей режим». Как отмечает автор, «соотношение внутренних и внешних факторов в формировании независимости Монголии в 1911-1912 гг. и ее автономии в 1913-1919 гг., в тенденции к ликвидации автономии в 1919 г. и в провозглашении «второй» независимости после референдума — вопрос далеко не простой, требующий своего специального изучения».

Отличительной чертой современной российской историографии по названному вопросу является ее многоплановость. Монголоведческие исследования ведутся сразу в нескольких направлениях и в различных региональных, исследовательских центрах. Бурные истории пытаются осмыслить место и роль бурят в общей истории монголоязычных народов, выделить и изучить деятельность отдельных личностей. Появился ряд интересных работ российских монголоведов по истории интерновского движения, новые монографии и статьи о Джа-ламе тибетской политике России в начале XX в.

В 1999 г. в Институте востоковедения РАН вышла монография известного монголоведа С.К. Рошдина. Данная книга, основанная на анализе уникальных архивных документов, рассекреченных в начале 90-х годов, не только проливает свет на неизвестные страницы истории Монголии, но и фактически является своеобразной энциклопедией полити-

ческих процессов, имевших место в монгольском обществе в 20-40-х годах XX в. На страницах монографии представлена галерея портретов малоизвестных широкому читателю монгольских революционеров, коммунистов, советских политиков, которые и делали революцию в Монголии. Прежде всего, это первый премьер народного правительства Д. Бодор, расстрелянный в 1922 г., председатель МНРП С. Данзан, также расстрелянный, но уже в 1924 г., бурятско-коминтерновцы З. Раднамо, Ц. Жамцарено, руководители МНР и МНРП в 1924-1928 гг. — Ц. Дамбадорж, Н. Жамбал, премьеры Б. Цэцэгдорж, А. Амор и многие другие. Автор не просто документально точно и предельно правдиво возрождает для истории эти трагические личности, он как бы сам вместе с ними проходит их жизненный путь. Глубокая погруженность автора в эту историческую эпоху позволяет ему не просто описывать действия тех или иных лиц, но и проследить их внутреннюю мотивацию, видеть, чем они руководствовались, где лукавили, где действовали против своей воли.

По-новому, с учетом всех политических факторов, действовавших в то время в Монголии и за ее пределами, дается автором и характеристика Народной революции 1921 г. На первый по значимости план С.К. Рошин выдвигает деятельность Коминтерна и его восточных структур — Сиббюро РКП(б), Дальбюро, Дальневосточного секретариата ИККИ, а также унтерновский поход на Монголию, непосредственно повлиявший на революционные события, «китайский фактор» и другие обстоятельства. В этой связи следует заметить, что монгольская революция была стимулирована гражданской войной в России. Идеологическая база революции 1921 г. фактически интегрировала два противоречивых течения: 1) традиционный панмонголизм, идеи движения 1911-1912 гг., довольно удачно позависимостыванные у «старого» теократического руководства новым революционным правительством, и 2) идеологические воззрения Советской России и Коминтерна, видевших в Монголии удобный объект мировой, в данном случае восточной, революционной политики, а также выгодный стратегический «буфер» на дальних рубежах.

С.К. Рошин подробно анализирует сложную историю подписания советско-монгольского соглашения от 5 ноября 1921 г. — первого международного документа Народного правительства Монголии, все коллизии переговоров, позицию Монголов по тем или иным вопросам, не всегда совпадавшую с советским подходом. Автор отмечает и особенность международной ситуации того времени, прежде всего — роль «китайского фактора», проявлявшуюся в том, что Москва в тот период находилась в стадии восстановления официальных контактов с Китаем и не хотела остожения отношений с ним из-за Монголии. Тем не менее, соглашение между Советской Россией и Монголией было подписано и явилось первым международно-правовым актом, закладывавшим основы советско-монгольского союза. Соглашение объективно способствовало возрождению традиционных российско-монгольских связей, превративших «смутные времена» 1917-1920 гг. Официальное признание со стороны Советской России предоставления Монголии, несмотря на уси-

ние ее идеологической зависимости, определенные политические, экономические и военные гарантии сохранения государственности и независимости от Китая.

С.К. Рошин первым в современном российском монголоведении затронул проблемы политической борьбы в монгольском руководстве. Автор освещает политику Советской России и Коминтерна, не срывая негативных и порой разрушительных последствий этой политики для монголов.

Вместе с тем работа С.К. Рошина наводит на некоторые общие размышления, связанные не только с судьбой Монголии. Во-первых, относительно теории «некапиталистического пути развития». В контексте монгольского опыта хотелось бы выяснить, что лежало в основе этой теории: конкретная практика развития отсталых советских республик Средней Азии или же изначально теоретические установки классиков большевизма, подгонявшиеся под среднеазиатские и монгольские реалии? Являлась ли эта теория адекватным отражением социально-экономических и политических процессов, действительно происходивших в советской Средней Азии, Закавказье и Монголии, или она носила абсолютно искусственный идеологический-конъюнктурный характер? Во-вторых, оценка роли Коминтерна в отсталых странах Востока. На монгольском примере автор, отмечая наличие негативных последствий деятельности Коминтерна в Монголии, в целом все же подчеркивает преобладающее позитивное влияние этой организации на политическую и общественную жизнь монгольского общества. Данная проблема — соотношение конструктивной и деструктивной составляющих в политике Коминтерна, на наш взгляд, требует более детального рассмотрения. Сложность ее связана с методологией, которую использует автор при анализе влияния Коминтерна изначально берется «классовая целесообразность», то результат его политики в Монголии, при всех ее ошибках и перегибах, будет положительным. Если же исходить из принципа идеологического невмешательства в развитие самостоятельной и самодостаточной монгольской цивилизации, то итог политики Коминтерна можно будет расценить как исключительно негативный. Другими словами, возникает потребность в научной дискуссии по поводу методологических и теоретических подходов, применяемых в изучении политики Коминтерна в странах Востока. Причем, вопрос сочетаемости классовых (идеологических) установок Коминтерна и цивилизационных ценностей того или иного общества, в котором экспериментировал Коминтерн, выходит далеко за рамки Монголии и Китая и затрагивает многие другие регионы и страны. Одним из проявлений такой сочетаемости и взаимодействия, на наш взгляд, является достаточно удачный симбиоз внешней идеологии и внутренних цивилизационных основ в теории «социализма с китайской спецификой». Отсутствие же подобной сочетаемости и полный антагонизм первого и второго проявились, например, в Средней Азии в процессе борьбы Советской власти против басмаческого движения как реакции на ее установление.

Следует выделить и тувинское направление в современной российской историографии. Многие вопросы монголо-тувинских отношений до 1944 г. до сих пор остаются спорными и малоизученными. В 60-70 годы тувинскими историками Ю.Л. Аранычнов, В.Ч. Очуром, О.А. Толгаар-Оолом, А.М. Шумовым и другими были предприняты попытки заострить ряд вопросов из истории Тувы. В 1992 и 1994 гг. были подготовлены и защищены две кандидатские диссертации: В.Д. Март-Оол «Социально-политическое и экономическое развитие Тувинской Народной Республики. 1921-1944» и Л.Ш. Ондар («Социально-экономическое и культурное развитие Республики Тувы в составе России. 1944-1993»), содержащие анализ ряда новых документов и материалов о монголо-тувинских отношениях в 1921-1944 гг., но так и не ответившие на главные вопросы: каковы были стратегические, политические и национально-исторические причины вхождения Тувы в состав СССР? Как повлияло это вхождение на монголо-тувинские отношения, которые до 1944 г. развивались в конфронтационной форме? К сожалению, Л.Ш. Ондар и В.Д. Март-Оол ограничили традиционной для советской историографии декларацией о «законном» итоге сближения двух народов, «горячем стремлении тувинского народа войти в состав СССР». Мотивы советского руководства, на наш взгляд, кроме собственных прагматических расчетов в отношении Тувы (возможность привлечения новых сырьевых и людских ресурсов), были сформированы больше под воздействием внешних (монгольского и китайского) факторов, а точнее, логики развития монгольского вопроса в 40-е годы в плане его международно-правового разрешения. Советским лидерам, и прежде всего И. Сталину, не выгодно было публично обсуждение тувинской проблемы на Ялтинской и других международных конференциях союзников. Особенно нежелательной для него была фиксация некоего «параллелизма» (сходства) в положении Тувы и МНР. Обе они не были признаны иными государствами, кроме СССР, обе находились под жестким идеологическим и экономическим патронажем Москвы, на земли обеих претендовал Китай и рассматривал их как часть своей территории. Советское руководство вполне обоснованно считало, что если Тува станет частью Советского Союза до Ялтинской конференции, то тогда западным союзникам не придется выбирать между Тувой и Монголией в качестве уступки и компенсации Москве за ее вступление в войну против Японии. Одновременно вклад и решающая роль СССР в ходе Второй мировой войны служили гарантией того, что Запад спокойно отнесется к изменению статуса Тувы.

Процедура включения Тувы в состав СССР в 1944 г. прошла спокойно, и международного резонанса этот акт не имел. 11 февраля 1945 г. в Ялте было подписано соглашение руководителей СССР, США и Великобритании об условиях вступления СССР в войну с Японией, первым из которых стало «сохранение статус-кво Внешней Монголии (МНР)», что послужило основой для благоприятного разрешения и монгольского вопроса - признания независимости МНР Китаем (5 января 1946 г.).

Важное место в современном монголоведении занимает иркутская

школа монголистов, имеющая давние традиции и представленная работами Е.М. Даревской, Н.Е. Единарховой, Е.И. Гилшванного, Ю.В. Кузьмина и других исследователей.

В монгольской историографии 50-80-х годов проблемы взаимоотношений Монголии с Россией и Китаем в первой половине XX в. освещались как в отдельных монографиях ведущих историков МНР (таких, как С.Дамдинсүрэн, Б.Лхамсүрэн, Ш.Налагдорж, Ц.Гунданоров, Б.Ширендэб и др.)⁴⁹, так и в общих, коллективных работах по истории Монголии.⁵⁰ Одним из первых исследователей, нававших изучение внешнеполитической проблематики как самостоятельной дисциплины был историк Ш.Сандаг, защитивший в 1976 г. докторскую диссертацию на тему: «Внешняя политика КНР (1921-1976)»⁵¹ и опубликовавший серию работ по истории внешней политики монгольского теократического государства (1911-1919) и МНР.⁵²

Монгольская историография в этот период находилась под сильным влиянием советской школы монголоведения, и ей, в целом, были присущи те же черты и недостатки - жесткий идеологический подход, приоритетная значимость классово-политической и революционного движения в изучении истории, замалчивание негативных сторон советско-монгольских отношений и деятельности Коминтерна в Монголии, а также некоторых фактов собственной истории. По тем же причинам не ставился в монгольской историографии и проблема панмонголизма, не изучались персоналии видных государственных и общественных деятелей Монголии: Д.Бодо, С.Данзана, А.Амора, Ц.Жамцарано, Д.Дамбадоржа, Г.Гэндэн и др., репрессированных в 20-40-е годы.

В 60-80-е годы в СССР монгольскими историками было защищено большое количество диссертаций,⁵³ однако, несмотря на ввод в научный оборот новых документов и материалов из монгольских архивов, тема взаимоотношений России, Монголии и Китая в первой половине XX в. так и не получила своего полного освещения.

Новейшая монгольская историография 90-х годов представлена самыми разнообразными в политическом и научном отношениях работами. Причем, если в начале 90-х годов преобладали исследования одностороннего, русофобского характера, возникшие на волне критики монгольской демократической общественностью результатов деятельности Советского Союза в МНР,⁵⁴ то с середины 90-х годов четко прослеживается более взвешенный, объективный подход, учитывающий комплекс внутренних и внешних факторов, влиявших на Монголию в первой половине XX в.

В этот же период в Монголии на базе новых архивных документов идет разработка ряда ключевых проблем: политической истории Монголии XX в.; вопросов международной тематики, истории внешней политики и современного положения Монголии в Северо-Восточной Азии; русско-монгольских и советско-монгольских отношений с середины XIX в. до 90-х годов XX в., где особо выделяется коминтерновский сюжет. В настоящее время работа по данным направлениям осуществляется в нескольких научных центрах - Институте истории Монгольской академии

наук, Институте международных исследований МАН, Центре изучения Северо-Восточной Азии МАН и других, в частности, в рамках различных исследовательских международных проектов. Такие историки, как Б.Болдо, Д.Гомбосурэн, С.Дагдинсүрэн, Ч.Дашдава, Д.Дашпурзав, С.Дашевел, П.Жамсран, С.Ишдиноров, Б.Лхамсүрэн, Н.Максаржав, А.Очир, П.Хайсандай, Д.Чулунжав, Д.Шуруху и многие другие, так или иначе затрагивают проблему места и роли Монголии в системе международных отношений в 1911 – 1945 гг.⁵⁵ Основные концептуальные позиции монгольских историков по проблеме советско-монгольских отношений сводятся к тому, что Коминтерн навязал Монголии свою волю и внедрил на монгольскую почву чуждую ей политическую и идеологическую модель. Относительно 1915 г. (Кяхтинское соглашение), большинство историков считает, что в 1915 г. Россия и Китай этим соглашением уничтожили монгольскую независимость.

Соглашаясь с тем, что политика Коминтерна действительно во многом оказывала отрицательное влияние на Монголию, деформируя и разрушая традиционный монгольский уклад, необходимо, тем не менее, признать, что советско-монгольский союз, несмотря на болезненную взаимную адаптацию сторон, был реальным механизмом сохранения монгольской государственности, способствовавшим выходу Монголии в 1945 г. на международную арену.

С другой стороны, характеризуя значение событий 1911 г., следует отметить, что они все-таки не носили характера формационного обновления Монголии и не были направлены на радикальную смену социально-экономического уклада. Доминантой событий 1911 г. являлось движение монгольской элиты, имевшее целью отделение от Китая и воссоздание монгольской теократии. В современной монгольской историографии превалирует концепция «трех национальных революций» - 1911, 1921 и 1990 гг. Соглашаясь с оценкой последних двух революций (1921 и 1990 гг.), мы полагаем, что все-таки характеристика событий 1911 г. как «национальной революции» носит несколько искусственный характер. Хотя условно, абстрагируясь от научной терминологии, допустимо определение «теократическая или ламастская революция 1911 г.». Подобная формулировка часто используется в литературе: например, термин «исламская революция» в Иране и т.п.

Особо в современной монгольской историографии хотелось бы отметить роль двух исследователей. Первый – известный общественный деятель, один из лидеров и вдохновителей Монгольской демократической революции 1990 г. Бат-Эрдэний Батбаяр, больше известный под псевдонимом Б.Баабар. Книга Баабара «Монголы XX в.»⁵⁶ вышла в Монголии в середине 90-х годов, побив все рекорды популярности. Она была переведена на английский, японский, корейский, немецкий языки и переиздана в десятках стран, став своеобразной заявкой на создание новой исторической концепции Монголии в XX в. и, в какой-то степени, идеологией монгольской демократической революции 1990 г. Второй – доктор исторических наук, талантливый ученый, в прошлом руководитель Центра международных исследований МАН, а ныне

один из ведущих сотрудников МИД Монголии Ц.Батбаяр. Последний опубликовал в 90-е годы серию монографий по проблемам взаимоотношений Монголии и Японии в XX в.⁵⁷ Исследования Ц.Батбаяра строятся на серьезной документальной основе, автор прекрасно владеет английским, японским, русским и китайским языками, что позволяет ему использовать весь круг возможных источников и материалов.

Кроме того, в концентрированном виде концептуальные подходы современной монгольской историографии изложены в книге Б.Лхамсүрэна «Внешняя среда и государственная независимость Монголии», наиболее близко подшедшего к теме данной монографии.⁵⁸ Структурно книга Б.Лхамсүрэна охватывает пять разделов: «Монгольская национально-освободительная революция 1911 г. и ее результаты. Ограничение и уничтожение монгольской независимости» (1 гл.); «Народная революция 1921 г. – новый импульс монгольской независимости. Внешняя политика народного правительства» (2 гл.); «Борьба МНР за свои отношения МНР в период военных угроз» (3 гл.); «Борьба МНР за выход на международную арену» (4 гл.); «Внешняя политика МНР в период осуществления социалистической системы и ее раскола» (5 гл.). Оценивая результаты движения 1911-1912 гг., Б.Лхамсүрен пишет: «То, что через 220 лет Монголия вновь обрела национальную независимость, явилось результатом тщательного анализа монгольской элитой международной обстановки и ответной реакцией на окраинную политику (Пекина. - С.Л.)».⁵⁹ Соглашаясь с тем, что события 1911 г. были действительно результатом умелого лавирования монгольского руководства между Россией и Китаем, а также удачно выбранного ими момента для отделения (распад Цинской империи и Синьхайская революция 1911-1913 гг.), тем не менее, автор настоящей монографии полагает, что в декабре 1911 г. Внешняя Монголия еще не «обрела национальную независимость», как пишет Б.Лхамсүрэн, а только декларировала ее. Полное обретение независимости могло состояться лишь при получении определенных политических гарантий со стороны России (или других сил) при соответствующем международно-правовом оформлении статуса Внешней Монголии в той или иной форме. Другой принципиальный момент, вызывающий наши возражения, связан с оценкой момента, вызвавшего наши возмущения, связан с оценкой сего соглашения следует считать одним из ярких примеров неравноправных договоров между большими и малыми, слабыми и сильными государствами... Что касается царской России, то она, в условиях нараставшей Первой мировой войны... пыталась лишь сохранить приобретенные ею политические и экономические преимущества в Монголии отчасти за счет других держав». И далее: «По Кяхтинскому соглашению независимость Внешней Монголии была уничтожена».⁶⁰ Соглашаясь с монгольским историком в том, что Кяхтинский договор был действительно неравноправным для Монголии и что он юридически снизил уровень ее суверенитета до автономии в составе Китая, необходимо подчеркнуть, что автономный статус, гарантированный Россией и Китаем, с широким набором полномочий монгольского правительства и с

формальным суверенитетом Китая над Монголией позволил на деле сохранить и развить основные атрибуты монгольской теократической государственности.

Характеризуя царскую и советскую политику в Монголии, Б.Лхамсүрэн справедливо отмечает, что во многом они обнаруживали черты сходства. Советская Россия унаследовала многие «старые» проблемы, стоявшие перед царской дипломатией: проблеме панмонголизма, проблеме необходимости международно-правового оформления МНР и другие, привнеся при этом и свои специфические проблемы революционно-классового характера. Монгольский историк верно подчеркивает существовавшую осторожность правительства Богдо-гэгэна в 1917-1919 гг. относительно Советской России. Народную революцию 1921 г. он определяет как новый импульс и этап в борьбе за независимость. Б.Лхамсүрэн отмечает большое значение советско-монгольского соглашения 5 ноября 1921 г., а также договора 1929 г. «Об основных принципах взаимоотношений МНР и СССР» и других документов.⁶¹ Подробно и убедительно он освещает международно-политическую обстановку, сложившуюся вокруг МНР накануне и в годы Второй мировой войны, отмечая двойственность международно-правового статуса и ограниченность суверенитета МНР. Он пишет: «Конец Второй мировой войны для Монголии был переходным этапом во взаимоотношениях с внешним миром. Хотя Монголия и была независимым государством, у нее были ограниченные права на международной арене и другие государства не признавали ее независимость». Однако в результате под держки Советского Союза, признания МНР правительством Чан Кайши и других событий противоречие «де-факто - де-юре» в положении Монголии было ликвидировано, делает вывод автор.⁶²

Кроме монографии Б.Лхамсүрена, монгольскими историками и философами за последнее время был опубликован ряд интересных работ, также переосмысливающих с темой данной монографии. Во-первых, это серия исследований о государственных деятелях Монголии, незадолго репрессированных в 30 - 40-е годы XX в.⁶³ Во-вторых, монография Д.Дашпурава: «Монголия: революция и независимость. 1911 - 1992» и «Режим террора в Монголии. 1920-1990».⁶⁴ Исследования Д.Дашпурава охватывают большие исторические периоды, отличаются острой постановкой ранее малоизвестных вопросов.

Важное место в современной монгольской историографии занимают исследования монгольских историков и политологов, связанные с текущей международной проблематикой. Как правило, в плане изучения опыта (позитивного и негативного) внешнеполитической деятельности правительства и ЦК МНРП в первой половине XX в. и проведения исторических параллелей и аналогий большинство таких работ опирается на исторический материал 20-40-х годов. Большой вклад в изучение современной ситуации в «Треугольнике» Россия - Монголия - Китай и перспективы его развития вносят ученые Центра Северо-Восточной Азии и международных исследований Монгольской академии наук под руководством Н.Алтанцэцэг.⁶⁵

Характеризуя состояние западной историографии по данной проблеме, следует отметить, что на Западе монговедение стало самостоятельным научным направлением лишь после Второй мировой войны. На базе исследований Ч.Будана, О.Латтимора, В.Конолли, Р.Рупена, П.Тана, Дж.Фритерса и др. западным монговедением была прослежена сложная и противоречивая история Монголии в XIX в. - первой половине XX в., а также политика царской и советской России в Монголии.⁶⁶ Большинство исследователей сходятся в том мнении, что проблема формирования и развития монгольского национализма и государственности была во многом predetermined влиянием России и Китая в XVI-XIX вв. А различные подходы заключаются в том, что одни авторы (Дж.Фритерс, Ч.Будан, О.Латтимор и др.) считали, что наибольшую опасность для монгольского менталитета и государственности представлял Китай, а другие (Р.Рупен, П.Тан, Ма Хотзен) видели главного врага монголов в лице России, особенно активизировавшейся в Монголии в советский период благодаря Коминтерну и МНРП.⁶⁷

Особое место в монговедческой литературе по широте и глубине поставленных вопросов принадлежит исследованиям О.Латтимора, изучавшего различные вопросы социально-экономической и политической истории Монголии и неоднократно обращавшегося к проблемам русско-монгольских и советско-монгольских отношений.⁶⁸ О.Латтимор одним из первых в западной историографии выдвинул тезис о существовании давних и взаимовыгодных хозяйственно-экономических связей между русскими и монголами, указывая на прогрессивное влияние более высокой культуры русских на монгольских кочевников.⁶⁹ Исследователи, анализируя политику Китая в Монголии, утверждали, что «отношения монголов и китайских колонистов были ... всегда антагонистичны».⁷⁰

Другой представитель англо-американской историографии Дж.Фритерс в монографии «Внешняя Монголия и ее международное положение», используя широкий круг источников, отмечает «оборонительный» характер политики царской России в Монголии в течение 1906-1917 гг.⁷¹ Одновременно, анализируя советский период, он под черкивает противоречивость и неопределенность международно-правового положения Внешней Монголии в 1921-1945 гг. Причина подобного явления, по мнению автора, крылась не только в агрессивной политике Китая, не признававшего монгольской государственности и суверенитета, но и в двойственной политике Советской России, которая, с одной стороны, поддерживала Монголию, признавая ее суверенитет в 1921 г. двусторонним соглашением, а с другой стороны - подтвердила права Китая на Внешнюю Монголию советско-китайским соглашением от 31 мая 1924 г.⁷²

Свое видение политической и социальной истории Монголии изложил английский монголовед профессор Ч.Будан. «Монголия», - пишет он в монографии «Современная история Монголии», - испытала две революции в период между 1911-1921 гг. Первая - националистическая против господства Китая... вторая была вызвана русским влиянием и

председательством Иркутского генерал-губернатора, егермейстера Л.М.Князева по монгольским делам. - Иркутск. 1913. Донесения миссии в Пекине о государственном перевороте в Китае в 1911-1913 гг. / Известия министерства иностранных дел России. - СПб., 1916. Синьхайская революция 1911-1913 гг. Сборник документов и материалов. - М., 1968.

² Документ внешней политики СССР. - Т. IV. - М., 1967-1968; Советско-китайские отношения 1917-1957 гг. Сборник документов и материалов. - М., 1958; Советско-монгольские отношения. 1921-1974. Документы и материалы. - Москва - Улан-Батор, 1975; Советско-монгольские отношения 1921-1966. Сборник документов. - М., 1966; Конституция и основные законодательные акты Монгольской Народной Республики. - М., 1952; Революционные мероприятия народного правительства Монголии в 1921-1924 гг. Документы. - М., 1960; Тегеран-Ялта-Потсдам. Сборник документов. - М., 1971; СССР на международных конференциях руководителей трех союзных держав - СССР, США и Великобритании. 4-11 февраля 1945 г. Сборник документов. - М., 1984. - Т. IV.

³ Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальной революции на примере Китая. (Сборник документов). - М., 1934; Коммунистический Интернационал в документах. Решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ. 1919-1932. - М., 1933; Коминтерн, КИМ и молодечное движение. 1919-1943. Сборник документов. - М., 1977. - Т. I.

⁴ Бугд Найрамдах Монгол Ард Улсын гадаад харилцааны баримт бичигүүдийн эмхэтгэл. Боть 1. 1921-1961 (Сборник документов внешней политики МНР. Т. 1) - Улаанбаатар, 1964; МАХН ардын хувьсгалын хял тын толгоо тэмцэлд, баримт бичигүүд. 1921 оны гуравас долдугаар сар (МНР-ий в борьбе за победу народной революции. Документы, март-июль 1921 г.). - Улаанбаатар, 1971; МАХН-ын тухэнд холбогдох баримт бичигүүд. 1920-1940 он. Нэгдүгээр дэвтэр (Документы по истории МНР. 1920-1940. Вып. 1). - Улаанбаатар, 1966; Внешняя политика МНР в документах. - Улан-Батор, 1974; 1921 оны ардын хувьсгалын тухэнд холбогдох баримт бичигүүд 1917-1921 (Документы по истории народной революции 1921 г. 1917-1921 гг.). - Улаанбаатар, 1957.

⁵ Teng Suu, Fairbank J.K. China's Response to the West. A Documentary Survey. 1839-1923. - New-York, 1963; United States Policy Towards China. Diplomatic and Public Documents. 1839-1939. - New-York, 1964; Documents on the Comintern and the Chinese Revolution. 1920-1923 // The Chinese Quarterly. - 1971. - N. 45, Jan. - March; Outer Mongolia. Treaties and Agreements. - Washington, 1921. - N. 41; The Russian-Japanese Treaties of 1907-1916 Concerning Manchuria and Mongolia. By Ernest Baston Price. - Baltimore, 1933; MasMutey J.V.A. Treaties and Agreements with and Concerning China 1891-1919. - New-York, 1921. - Vol. 1-2; Documents on British Foreign Policy, 1919-1939. - L., 1966. - Ser. 1. - Vol. 14; FRUS, Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conferences in Cairo and Téhéran. 1943. - Wash., 1961.

⁶ Советы И. Сталина монгольскому премьеру (публикация стенограмм бесед И. Сталина с премьер-министром МНР П. Гэнданом в 1934-1935). Пер. с монг.

// Азия и Африка сегодня. - 1991. - № 6. Из восточинаний Ю.Цеденбага. Публикатор З.Цеденбал // Восток - 1994. - № 4-5. Свет и тень: из личных записей Ю.Цеденбага. Сост. Б.Сумьяа (на монг. яз.). - Улан-Батор, 1992.

⁷ Коминтерн ба Монгол. Баримтын эмхэтгэл. Эрдэм шинжилгээний удирдагч: Ч.Дашдаваа, В.П. Козлов. Эмхэтгэгчид: Г.М. Адибеков, С. Дамдинсүрэн, А.С. Хөдөгэняков ба бусад. - Улаанбаатар, 1996.

⁸ Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. 1920-1925. Т. 1. - М., 1994; ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. 1926-1927. Т. 2 (в 2-х частях). - М., 1996; ВКП(б), Коминтерн и советское движение в Китае. Документы. 1927-1931. Т. 3 (в 2-х частях). - М., 1999.

⁹ Сибирский купец А.Д. Васенев. Дневники. - Барнаул, 1994. - Ч. 1. Документы и письма. - Барнаул, 1994. - Ч. 2.

¹⁰ Лузянин С.Г. Восточные архивы Коминтерна. Малоизвестные страницы советско-китайских отношений // Ангальт. - М., 1995. - Вып. 1. - С. 28-34; он же. Восточные архивы Коминтерна. Коминтерн в Монголии и Китае. 1925 г. // Там же. - М., 1995. - Вып. 2. - С. 29-36.

¹¹ Имшенецкий Б.И. Монголия. Очерк социально-экономической истории. - СПб., 1915; Пестовский Б.А. Современная Монголия. - СПб., 1915; Степанов С.Ф. Монголия. Общий очерк // Сибирский торгово-промышленный ежегодник. - СПб., 1913; Бобрин П.А. Монголия. Очерк торгово-промышленного и административного устройства. - Владивосток, 1914; Стоянов С. Монголия // Народный журнал. - 1912. - № 4. - С. 25-27; Тонких С. Материалы по описанию Монголии. - Иркутск, 1913; Доросфеев А. Отчет по поездке в Северную Западную Монголию. - Омск, 1912; Кушелев Ю. Монголии и монгольский вопрос. - СПб., 1912; он же. Отчет о поездке с военно-научной целью в Монголию // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. - 1913. - Вып. 86. - С. 284-374; Новицкий В.Р. Путешествие в Монголию, совершенное в 1906 г. по поручению Главного управления Генерального штаба. - СПб., 1911; Поттавцев С. Материалы для описания Монголии. - Иркутск, 1913; Имшенецкий Б. Русские «пioneеры» в Монголии // Делова Россия. - 1915. - 26 июня (8 июля). Район кахтинской железной дороги в экономическом отношении. - СПб., 1913; Борьба за русский Дальний Восток. Под ред. Б.Шумяцкого. Вып. 1. - М., 1922. Нанкинская констипция // Вестник Азии. - 1922. - № 49; Великая Маньчжурская империя: К 10 юбилею. 1932-1942. - Харбин, 1942; С.А.Шойжеев (Нацов) Материалы и документы по истории национально-революционного движения тувинских скотоводов. - М., 1930. - Вып. VII. - Кн. 1.

¹² Соркин Н.С. В начале пути (Записки инструктора монгольской армии). - М., 1970; Панюшкин А.С. Записки посла. Китай, 1939-1944. - М., 1981; Сергеев Е. Саурайский меч над Китаем (Иллюстрированная Россия. - Париж, 1937) // Азия и Африка сегодня. - 1995. - № 8.

¹³ Rockhill W.W. The Question of Outer Mongolia // Journal of American Asiatic Association. - 1914. - May. - Vol. 14. - N. 2. - P. 21.